
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-X

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 90-летию Л. К. Герасимович

St. Petersburg
2013

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-Х: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 144 с.

Десятый выпуск сборника имеет разделы: «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Историография, источниковедение и история науки», «Рецензии и научная жизнь», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The tenth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews and Scholaly Life», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен в издательстве

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* http://www.pvost.org

Подписано в печать 15.08.2013. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 усл.-п. л. Заказ №

Первая академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения правообладателей.

ISBN 978-5-85803-467-4

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2013

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Предисловие. <i>И. В. Кульганек, Л. Г. Скородумова</i>	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. Г. Скородумова. Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре.	8
О. А. Сапожникова. Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа (по рассказу С. Эрдэнэ «Камень в сердце»)	16
А. А. Туранская. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы	21
Д. А. Носов. Кумуляция в сказках монгольских народов: жанровый признак или композиционный прием?	26
А. А. Соловьева. Рассказы о проделках нечистой силы в монгольском фольклоре	33
П. О. Рыкин. К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре «Дада юй/Бэйлу юй» (конец XVI—начало XVII в.)	41
А. И. Чернуха. К вопросу о диахроническом образовании долгих гласных в монгольском языке	49
И. В. Кульганек. Фольклорное воплощение феномена Прихубсугуля — Даян Дэрх.	53
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Е. И. Кычанов. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся)	58
К. В. Алексеев. О двух монгольских рукописях жизнеописания Гампопы (1079—1153)	65
Ю. И. Елихина. Монгольские ксилографические доски из коллекции Государственного Эрмитажа	70
А. В. Майоров. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку (текст, перевод, комментарий)	74
А. Б. Малышев. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? (к постановке проблемы)	82
П. Чултэмсүрэн. Краткая история халхаского Цогту-хунтайджи и его потомков	86
Ф. Л. Синицын. Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926—1937)	90
И. В. Кульганек. Рукописное и архивное наследие монгольских народов в России	97
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
К. Н. Яцковская. Читая «Труды о Монголии и для Монголии» А. Д. Симукова	101
Б. Дайриймаа. Конференция, посвященная 100-летию известного алтайского урянхайского исполнителя С. Чойсурена	109
Ю. И. Дробышев. Новые издания совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и МАН	110
О. Н. Полянская. Конференция «Монголия в XX веке: от восстановления независимости до международного признания». 1—2 декабря 2011 г., г. Иркутск	113
Т. Г. Басангова. Субурган Джамбо-тайши Тундугова	117
Л. В. Четырова. Монгольский форум в Париже	119
Л. Халоупкова. <i>Болдохонов К. Б.</i> Дорогие мои земляки	120
А. А. Бурыкин. <i>Омакаева Э. У.</i> Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории	122
Т. Д. Скрынникова. <i>В. Л. Успенский.</i> Тибетский буддизм в Пекине	125
И. В. Кульганек. Отчет о Первой Международной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора»	128
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Т. Баянсан. Лысое сердце (пер. Л. Скородумовой)	131
С. Эрдэнэ. Камень в сердце (пер. О. Сапожниковой)	133
П. Лувсанцэрэн. Голубой, как вода (пер. О. Сапожниковой)	134
С. Пурэв. Страдания собаки никогда не кончатся (пер. О. Сапожниковой, под ред. Л. Скородумовой)	138
Д. Гармаа. Сундук гецула (Будда) (пер. К. Ким)	140
Summary	141

Contents

Introduction by <i>I. V. Kulganek, L. G. Skorodumova</i>	5
LITERARY STUDIES, FOLKLORE STUDIES, LINGUISTICS	
L. G. Skorodumova. The model of the space-time continuum in the Mongol culture	8
O. A. Sapozhnikova. The spiritual character of the Mongolian people in the story by S. Erdene «A Stone of the Heart» (Structure of a literary text)	16
A. A. Turanskaya. The Mongolian translation of the collection «One Hundred thousand hymns» by Milarepa	21
D. A. Nosov. The structure of the Mongolian folk tales	26
A. A. Solovyeva. Stories about the evil forces in the Mongolian folklore	33
P. O. Rykin. On the Principles of Chinese Transcription of Mongolian Words in the Chinese-Mongolian Dictionary «Da-da yu/Beilu yiyu» (late 16 th —early 17 th centuries)	41
A. I. Chernukha. On diachronic process of formation of long vowels in the Mongolian language.	49
I. V. Kulganek. Folklore embodiment of the Prikhubsugulie's phenomenon — Dayan Derkh	53
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
E. I. Kychanov. The Tangut-Tatar border in the first quarter of the XIII century. (the «New laws» of Xia)	58
K. W. Alekseev. About two Mongolian manuscripts of the biography of Gampopa (1079—1153)	65
Yu. I. Yelikhina. Mongolian woodcut boards from the collection of the State Hermitage.	70
A. V. Mayorov. Pope Innocent IV's letter to Sartakh Khan of the Golden Horde (text, translation, notes)	74
A. B. Malyshev. What was the purpose of the Golden Horde «poem» written on birch bark found near the village of Podgornoe? (statement of the problem)	82
P. Chultemsuren. A brief history of Khlalkh Tsogtu-Khuntaydzhi and his disciples	86
F. L. Sinitsyn. International activities of the Tibetan Hierarch Panchen Lama IX and their impact on the situation of Mongolia and Inner Mongolia (1926—1937 years)	90
I. V. Kulganek. Manuscript and archival legacy of mongolian peoples in Russia	97
REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE	
K. N. Yatskovskaya. Reading the «Works of Mongolia and for Mongolia» by A. D. Simukov [The State Museum of Ethnology, Osaka, 2007—2008]	101
B. Dayriymaa. The conference dedicated to the 100 th anniversary of the famous Altai-Uryankhay performer S. Choysuren	109
Yu. I. Drobyshev. The new publications by the Integrated Russian-Mongolian biological expedition of RAS and MAS	110
O. N. Polyanskaya. The conference «Mongolia in the XX century: from the restoration of independence to the international recognition»	113
T. G. Basangova. Suvarga of Jumbo Taishi Tundutov	117
L. V. Chetyrova. Mongolian forum in Paris.	119
L. Khaloupkova. Review of «My Dear Countrymen» by K. B. Boldokhonov (Ulan-Ude, 2012)	120
A. A. Burykin. Review of «The Typology of Model-forming Parts of Sentences in the Kalmyk and Mongolian Languages in Light of the Verbal-actantial Theory» by E. U. Omakaeva. (Ulaanbaatar, 2011)	122
T. D. Skrynnikova. <i>V. L. Uspenskiy.</i> The Tibet Buddhism in Beijing.	125
I. V. Kulganek. Report about the first international conference «Cultural Heritage of mongols: manuscripts and archival collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar»	128
OUR TRANSLATIONS	
T. Bayansan. Bald Heart (translated by L. Skorodumova)	131
S. Erdene. Stone Heart (translated by A. Sapozhnikova)	133
P. Luvsantseren. As Blue as Water (translated by A. Sapozhnikova)	134
C. Purev. A Dog's Suffering Never Ends (translated by A. Sapozhnikova; ed. by L. Skorodumova)	138
D. Garma. Getsul's Chest (translated by K. Kim)	140
Summary	141

Д. А. Носов

Кумуляция в сказках монгольских народов: жанровый признак или композиционный прием?

В статье исследуются процессы кумуляции в монгольских сказках. Автор приходит к выводу, что кумуляция в сказках монголов, бурят и калмыков является не устойчивым жанровым признаком, а композиционным приемом.

Ключевые слова: монгольский, сказки, жанр, поэзия, кумуляция, экспозиция, функция.

Проблема определения жанра произведения устного народного творчества является основной в современной отечественной фольклористике. В своей работе по теории фольклора российский исследователь В. П. Аникин предложил «считать *единицей изучения* в фольклоре не личное творчество, а *жанр* и на базе жанра изучать отдельные произведения» [Аникин, 2004. С. 39].

В ходе анализа сказок монгольских народов мы приняли решение провести классификацию данного явления по морфолого-композиционному принципу, предложенному в работах В. Я. Проппа. В них четко определена структура повествования двух видов народного поэтического творчества — волшебной сказки и кумулятивной сказки.

На основе морфолого-композиционных разработок исследователя [Пропп, 1976] нами был предпринят специальный анализ структуры кумулятивных сказок монгольских народов.

Под кумулятивной сказкой мы понимаем такое повествование, которое «состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким образом цепь не порывается или не расплетается в обратном порядке» [Пропп, 1976. С. 243]. В. Я. Пропп делит их на формульные и эпические. Формульные представляют собой чистую схему. Такое повествование разбито на одинаково оформленные повторяющиеся синтаксические звенья, оно может принимать не только прозаическую, но и стихотворную, и песенную форму [Пропп, 1976. С. 243—244].

Эпические кумулятивные тексты также состоят из одинаковых звеньев, каждое из которых может быть синтаксически оформлено по-своему и раскрыто в разной степени. Они рассказываются стилем волшебных или других прозаических сказок [Пропп, 1976. С. 243—244].

Такие тексты чрезвычайно просты и состоят из экспозиции, кумуляции и финала. Экспозиция хотя и является начальным элементом сказки, но завязкой

не может быть названа, так как действие развивается не изнутри, а извне, большей частью совершенно случайно и неожиданно [Пропп, 1976. С. 244]. Композиция включает какое-либо незначительное событие или банальную жизненную ситуацию.

Развитие сюжета представляет собой цепь, которая может наращиваться по различным принципам. Однако типов синтаксического построения кумулятивного повествования может быть всего два: либо звенья перечисляются одно за другим, либо при присоединении каждого нового повторяются все предыдущие [Пропп, 1976. С. 246—247].

Большинство рассмотренных в ходе нашего исследования сказок соответствовали первому типу.

Что касается семантических рядов, по которым наращивается кумулятивная цепочка повествования, то В. Я. Пропп в своей статье выявил одиннадцать их разновидностей [Пропп, 1976. С. 246—247].

При рассмотрении кумулятивных сказок контрольного материала нами были обнаружены тексты следующих рядов, по которым наращивается цепочка повествования: I. Ряд отсылок или насылок; II. Ряд (осуществленных или избегнутых) пожара; III. Ряд мен или обменов; VII. Ряд действий не впопад; XI. Спрашивают, перечисляют, многократно рассказывают и пр.

Соответственно, на контрольном материале не были представлены следующие семантические ряды: IV. Напрашиваются в жилище или изгоняются из него (или не пускают в него); V. Напрашиваются в кибитку (телегу, лодку); VI. Ряд приобретений или наград; VIII. Ряд отказов в помощи; IX. Цепляются друг за друга, становятся друг на друга; X. Убиваются о пустяках [Пропп, 1976. С. 253—256].

Четыре ряда, представленные в монгольском фольклоре, содержат в себе по несколько сюжетов, для которых известно множество вариантов.

«Ряд действий не впопад» представлен лишь одним текстом.

В ходе рассмотрения монгольских кумулятивных сказок мы отметили также два кумулятивных сюже-

та, которые нельзя отнести к какой-либо из разновидностей, определенных В. Я. Проппом.

Обнаружение подобных произведений дало нам право предположить, что кумулятивные сказки в монгольском фольклоре представлены как общемировыми, так и самобытными повествовательными структурами. При этом оригинальные схемы основаны на соединении общемировых и являются устойчивыми в ходе развития устной поэзии монгольских народов.

Рассмотренные в ходе анализа сюжеты фиксировались на протяжении всей полуторавековой истории сбора и изучения фольклора монголов, бурят и калмыков. Это позволяет утверждать, что кумулятивные нарративы являются неотъемлемой частью корпуса сказок монгольских народов.

Помимо повествований, построенных по чистому кумулятивному принципу, в корпусе бурятской народной поэзии нами было зафиксировано несколько текстов, сочетающих в себе сюжеты кумулятивных сказок и сказок о животных. В произведении «Үнэ-гэн эзы» («Лиса») [Бурятские народные сказки, 1976. С. 341—344] мы встретили известный у всех монгольских народов тип «Воробей» из ряда отсылок или насылок [Пропп, 1976. С. 249] в сочетании с обрамляющим сюжетом, относимым нами к повествованиям о животных. Данный текст записан в 1949 г. Е. В. Баранниковой от А. А. Тороева, жителя улуса Шунта Боханского района Иркутской области [Бурятские народные сказки, 1976. С. 434] и опубликован в 1976 г. Исследователь указала на наличие еще одной версии в РО БФ СО АН СССР [Бурятские народные сказки, 1976. С. 434]. Содержание сюжета таково:

Лиса крадёт у девушки Ханхинурхан двадцать три колокольчика. Перепёлка, решив помочь девушке, снова похищает у лисы двадцать три колокольчика. Лиса ловит перепёлку, но та хитростью вырывается. Дабы избежать нового похищения колокольчиков, девушка даёт лисе масло и мясо. При этом девушка наказывает лисе не садиться на ветки кустарника. Лиса нарушает запрет, и ветви кустарника разрывают ей зад. Она просит коз богача Ухэнэя съесть кустарник. ||: Козы отказываются. На коз насылаётся волк, на волка Эрхий мерген батор. Эрхий мерген батор соглашается. Обратный ряд): ||¹ Козы съедают кустарник.

Вариант подобного сочетания, записанный Е. В. Баранниковой от пятидесятирёхлетней сказительницы Идаан Ильиной в 1948 г. в городе Улан-Удэ [Бурятские народные сказки, 1976. С. 434], был озаглавлен исследователем «Алтан гургалдайн ябадал» («Похождение соловушки») [Бурятские народные сказки, 1976. С. 341—344]. Вот его краткий пересказ:

¹ В данном описании кумуляция вставлена в знаки повторения ||: ||, заимствованные В. Я. Проппом из нотной грамоты [Пропп, 1976. С. 249]. Мы считаем целесообразным использовать эти знаки во всех описаниях кумулятивных повторений элементов повествования, приведенных ниже.

Лиса похищает у Шортодойхон-девицы двадцать пять косичек. Соловушка хитростью выкрадывает у лисы двадцать пять косичек обратно. Шортодойхон-девица в награду угощает соловушку маслом и мясом и наказывает ей не садиться на колючее дерево и на острый камень. Соловушка садится на острый камень, а при попытке взлететь с него её брюхо распарывается. Соловушка просит пастуха Хартагай-хана зашить ей брюхо. ||: Пастух отказывается. На овец пастуха насылаётся волк (на волка — внуки Хартагай-хана, на внуков — сам Хартагай-хан, на Хартагай-хана — полевая мышь, на полевую мышь — невестки Хартагай-хана, на невесток Хартагай-хана — ветер). Ветер соглашается. Обратный ряд): || Пастух зашивает брюхо соловушке.

Помимо рассмотренных выше текстов, в корпусе бурятских сказок нами обнаружено произведение, сочетающее в себе сюжеты восьмого и одиннадцатого кумулятивных рядов. Оно было записано С. С. Бардахановой в улусе Ныгэй Эхирит-Булагатского района Иркутской области от Сэжур Ероновой [Бурятские народные сказки, 1976. С. 437] и опубликовано в 1976 г. под заголовком «Тэхэ бааргай, хуса бааргай, үүхэн бүмбэй, үбһэн бүмбэй, дүрэнгир шэлбэ» («Пятеро друзей») [Бурятские народные сказки, 1976. С. 407—408]. В нем повествуется о следующем:

Волк приходит к дому пятерых друзей и требует кого-нибудь выйти. ||: Баран-невежда, Жирок-пузырёк и Опалённый стебелек отказываются. ||: Соглашается Козёл-простачок. Волк задаёт ему вопросы ||: о его рогах, бороде и животе. Козёл каждый раз отвечает, что это то, при помощи чего он съест волка. ||: Волк убегает.

Существование произведений, сочетающих в себе сюжеты сказок о животных и кумулятивных сказок, можно объяснить изменениями в традиции бытования данных видов устного народного творчества. Тем более что все три рассмотренных выше текста были записаны в 40—70-е гг. XX в., когда сказка, как и другие жанры фольклора, переживала «период угасания» [Басангова, 2002. С. 38].

Помимо отдельных кумулятивных сюжетов и повествований, сочетающих в себе композиции разных жанров, нами были обнаружены также случаи кумуляции, удвоений и утроений функций действующих лиц, их пар или групп в волшебных сказках рассматриваемых народов. Это ставит под сомнение высказанные отечественным теоретиком фольклора В. Я. Проппом положения о принципах жанровой классификации сказочных нарративов.

Удваиваться могут отдельная функция «снабжение, получение волшебного средства» (Z), пары «борьба»—«победа» (Б—П), «трудная задача»—«решение» (З—Р), группа «первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» (ДГZ) и связь повторных действий такого же характера (*Д*Г*Z)².

² Наименования и буквенные обозначения функций действующих лиц волшебной сказки взяты нами из рабо-

Удвоение «снабжения» (Z) встретилось нам во втором ходе калмыцкой богатырской сказки «Йи-стир» [Басангова, 2002. С. 40—42]. В ней герой последовательно встречает человека, который способен сосать траву, и человека, который может держать за щеками воду двух морей (вариант Z^9). По своему характеру данное удвоение соответствует кумулятивным сюжетам шестого ряда (VI. Ряд приобретений или наград [Пропп, 1976. С. 254]). Отметим, что чистые кумулятивные сказки данного ряда не были обнаружены нами на контрольном материале.

Удвоенные «борьбу»—«победу» в корпусе калмыцких сказок мы зафиксировали во втором ходе повествования «Богатырь Аман Цаган» [Басангова, 2002. С. 42—45], в котором повторяется первый вариант данной пары, предполагающий открытый бой между героем и антагонистом. Его характер схож с принципом кумуляции второго ряда (II. «Ряд осуществленных или избегнутых пожираний» [Пропп, 1976. С. 250]) и состоит в том, что герой убивает сначала угрожающего ему антагониста, а затем его отца. В обеих парах мы имеем первый вариант рассматриваемых функций ($B^1—P^1$). Во втором ходе сказки «Сын Медведя Алват Хар» [Басангова, 2002. С. 81—94] главный персонаж последовательно борется с кабаном, в котором хранится душа шулмушки, а затем и с самой шулмуской. В данном тексте мы также имеем удвоение пары $B^1—P^1$, построенное по принципу кумуляции второго ряда.

В бурятской народной поэзии удвоенные «борьба»—«победа» были зафиксированы нами во втором ходе сказки «Царь Баян-Хара» [Бурятские народные сказки, 1990. С. 145—164] в сочетании вариантов $B^1—P^1$ и $B^2—P^2$. Вначале герой и антагонист состязаются в стрельбе из лука, а затем борются друг с другом. Характер удвоения здесь также схож с кумуляцией второго ряда.

В корпусе монгольских сказок удвоение пары «борьба»—«победа», выражающейся через открытый бой с антагонистом ($B^1—P^1$), встретилось нам во втором ходе «Сказки о дружбе» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 119—125], в котором два героя, пытаясь пересечь реку, сначала вступают в схватку с огромной рыбой, а затем — с пятнадцатиголовым мангусом. Повторение в рассматриваемом случае имеет характер кумулятивного сюжета второго ряда. Во втором ходе «Сказки о сыне хана и сыне тушимела» [Беннингсен, 1912. С. 26—32] мы зафиксировали удвоение пары $B^1—P^1$, сходное с описанным выше. Разница лишь в форме выражения — антагониста пытаются победить в человеческом обличье, но ему удается превратиться в орла, в этом виде его и убивают. В «Сказке об Эрын Сайн Борны-ху-хане» [Беннингсен, 1912. С. 91—94] нам встретилось такое же удвоение данной пары функций, как и в бурятском повествовании «Царь Баян-Хара». В «Огненно-красном хагане» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 107—

109] присутствует повторение «борьбы»—«победы», раскрытое через последовательное осуществление сначала первого, а затем второго варианта пары.

Удвоение пары функций «трудная задача»—«решение» в корпусе калмыцких сказок встретилось нам во втором ходе сюжета «Синяя Шкура» [Басангова, 2002. С. 122—130], в котором герой последовательно выполняет задачи по постройке чудесного дворца и предоставлению необходимого для сватовства количества мужчин.

В бурятском фольклоре удвоение пары З—Р было обнаружено в одноходовой сказке «Козий Хвост» [Бурятские народные сказки, 1990. С. 183—189], когда герой последовательно получает от хана задания выкрасть у него любимого быка и кольцо. В первой сюжетной линии повествования об «Упрямом парне» [Бурятские народные сказки, 1990. С. 319—326] правитель последовательно отправляет юношу обернуть гору в шелка пяти цветов и добыть кипящую пену восточного Жёлтого моря.

Удвоение группы «первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» ($DГZ$) в корпусе бурятских сказок встретилось нам в первом ходе «Шапки-невидимки» [Бурятские народные сказки, 1990. С. 50—59] (вариант $D^1_2 Г^1_2 Z^8$). В нём герой последовательно похищает шапку-невидимку и коня. По своему характеру данное повторение соответствует кумулятивным сюжетам шестого ряда.

В фольклоре халха-монголов удвоение рассматриваемой группы функций (вариант $D^6 Г^{VI} Z^8$) мы зафиксировали в первом ходе «Сказки о сыне хана и сыне тушимела» [Беннингсен, 1912. С. 26—32]. В нём герой последовательно обманывает спорщиков, похищая шапку-невидимку и туфли. Как и рассмотренное выше, данное повторение построено по шестому кумулятивному принципу. В первом ходе «Сказки о Бага-Алим» [Беннингсен, 1912. С. 86—90] юноша сначала ловит чудесного коня, а затем ему помогают посвататься к дочери Наран-хана³ за спасение дочери другого тенгрия. Это удвоение состоит из сочетания $D^1 Г^1 Z^9$ и $D^4 Г^4 Z^9$ и также соответствует по своему характеру кумулятивным сказкам шестого ряда. В одноходовом сюжете «Костяная Рогатка и Каменная Рогатка» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 174—176] мы зафиксировали удвоение группы функций $D^1 Г^1 Z^2$, которое заключается в последовательном испытании героев двумя женщинами и получении от них сведений об антагонистах. Как и предыдущие случаи, рассмотренное повторение сходно с кумулятивными сюжетами шестого ряда.

В корпусе калмыцких сказок нам встретился случай удвоения группы повторных действий «первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» ($*D^*Г^*Z$) во втором ходе повествования «Сын Медведя Алват Хар» [Басангова, 2002. С. 81—94] в сочетании вариантов

ты В. Я. Проппа «Морфология (волшебной) сказки» [Пропп, 2005].

³ Наран-хан (монг. *нарын хаан*) — букв.: Хан-Солнце.

*Д¹*Г¹*Z¹ и *Д⁷*Г¹*Z⁹. В нём герой излечивает перелом ноги, наблюдая за мышами, которые пытаются откусить его мясо, а затем Хан-гаруди предоставляет себя в качестве переносчика на землю в награду за спасение её гнезда от разорения. Данное удвоение соответствует по своему характеру кумулятивным сказкам шестого ряда.

В одноходовом монгольском сюжете «Огненно-красный хаган» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 107—109] мы также зафиксировали случай удвоения данной группы функций (*Д*Г*Z). Он представляет последовательное повторение вариантов *Д¹₆*Г¹_{VI}*Z⁸ и *Д⁶*Г^{VI}*Z⁸ и заключается в повторном подслушивании разговора птиц о местоположении волшебного предмета и в обмане спорщиков с получением шапки Будды, а затем накидки. Данное удвоение построено по шестому кумулятивному принципу.

Особый случай удвоения мы зафиксировали в первом ходе бурятской сказки «Царь Баян-Хара» [Бурятские народные сказки, 1990. С. 145—164]. Он представляет собой следующую схему:

$$\parallel : Д Г^1 Д Г^2 : \parallel Л Z^9$$

В рассматриваемом примере герой сначала выпускает стрелу по дворцу царя, на дочери которого хочет жениться. Эту стрелу может вынуть только он сам. После этого юноша прибывает к правителю, обстоятельно отвечает на его расспросы, вынимает стрелу и получает в жены искомую царскую дочь.

Утраиваться могут функция «снабжение, получение волшебного средства» (Z), пары «борьба»—«победа» (Б—П), «ликвидация»—«свадьба» (ЛС*) и «трудная задача»—«решение» (З—Р), а также связки «первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» (ДГZ), «недостача»—«посредничество»—«отправка» (aB↑) и «посредничество»—«начинающееся противодействие»—«отправка»—«первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» (BC↑ДГZ).

Утроение функции «снабжение» (Z) мы зафиксировали во втором ходе монгольской сказки без названия [Амстердамская, 1940. С. 38—41], опубликованной Л. А. Амстердамской в 1940 г. В ней повторяется вариант Z⁹, что означает последовательное присоединение к юноше в качестве помощников собаки, ехидны и змеи. Как и в случае с удвоением данной функции, утроение её соответствует по характеру своего построения кумулятивным сюжетам шестого ряда.

В корпусе калмыцких сказок утроение пары функций «борьба»—«победа» встретилось нам во втором ходе повествования «Богатырь Найхал, сын Нальхан Цаган Ээджэ» [Басангова, 2002. С. 67—81]. В ней герой последовательно убивает первого, второго и третьего лусов. Эта кумулятивная цепь состоит из пар первого варианта функций (Б¹—П¹) и соответствует по принципу построения второму ряду (II. «Ряд (осуществленных или избегнутых) пожираний» [Пропп, 1976. С. 250]).

В народной поэзии халха-монголов утроение рассматриваемой пары мы встретили в первом ходе «Сказки об Ихэ-Алим» [Беннингсен, 1912. С. 81—86], в котором трижды повторяется первый вариант (Б¹—П¹). Отличительной особенностью данного случая является то, что в среднем звене происходит убийство героя антагонистом и последующее оживление его волшебным помощником (П¹_{neg}⁵). В одноходовом сюжете «Сын хагана Гомбо и сын простолюдина Гонгор» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 129—133] мы зафиксировали утроение, состоящее из двух форм первого (Б¹—П¹) и одной формы третьего варианта (Б³—П³). Во втором ходе повествования о «Спящем мальчике» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 140—145] нами было обнаружено повторение, состоящее из двух форм второго (Б²—П²) и одной формы первого варианта (Б¹—П¹). Все рассмотренные случаи утроения пары «борьба»—«победа» сходны с кумулятивными сказками второго ряда.

Утроение пары «трудная задача»—«решение» присутствует в калмыцкой одноходовой истории о «Младшем сыне хана Арджи-Бурджи» [Басангова, 2002. С. 98—104]. Её герой забирает дочь хана, табун черно-лысых кобылиц и птицу Тоодыг. Это единственный встреченный нами на контрольном материале случай, в котором кумулятивная цепь данного характера развивается через последовательные приобретения, а не по принципу «постановка задачи—решение—получение нового задания».

В корпусе бурятских сказок утроение пары функций З—Р мы зафиксировали в одноходовом сюжете «Молодец Гуун Сээжэ, сын старика Тариаши» [Бурятские народные сказки, 1990. С. 32—38], в котором герой последовательно решает задачи: разрезать мясо, вялившееся пятнадцать лет, узнать возраст таёжного медведя и расколоть гранит, над которым сидит в клетке снежный барс.

В фольклоре халха-монголов утроение «задачи»—«решения» имеется в первом ходе сказки «Небесный хаган Дрофа» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 100—107], в котором правитель приказывает юноше построить железную стену, вырастить сандаловый лес и заставить кукушек петь в нём. Герой последовательно выполняет задания при помощи своих волшебных жён.

Утроение связки функций «ликвидация»—«свадьба» (ЛС*) было зафиксировано нами во втором ходе монгольской сказки «Небесный хаган Дрофа» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 100—107], в которой герой приводит искомого монаха к трем ханам и получает за это в награду последовательно трёх ханских дочерей в жёны. Этот случай утроения имеет характер кумулятивных сюжетов шестого ряда (VI. Ряд приобретений или наград [Пропп, 1976. С. 254]).

Утроение группы функций «первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» (ДГZ) в корпусе калмыцких сказок было обнаружено нами в одноходовом повествовании «Богатырь Йилдэр» [Басангова, 2002. С. 56—67]. В нём присутствует сочетание группы

варианта $D^2\Gamma^2Z^2$ с двумя группами варианта $D^1\Gamma^1Z^9$. Табунщик проверяет наличие у героя родинки, свидетельствующей о его особом происхождении, и указывает ему место, где находится волшебный конь. Затем юноша ловит жеребенка и тот признаёт его своим хозяином. Далее, после испытания проигрывшем в поединке, главный персонаж получает богатыря в качестве побратима. По своему характеру данное утроение соответствует кумулятивным сказкам шестого ряда. Во втором ходе истории о «Сыне Медведя Алват Харе» [Басангова, 2002. С. 81—94] мы встретили утроение $D^1\Gamma^1Z^9$. В нём мальчик побеждает сына Горы, сына Уха и сына Воды, и они становятся его побратимами. Данное утроение также построено по шестому кумулятивному принципу.

В калмыцком фольклоре нам также встретился случай утроения группы повторных функций «первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» ($*D^*\Gamma^*Z$) во втором ходе сказки «Богатырь Найхал, сын Налхан Цаган Ээджэ» [Басангова, 2002. С. 67—81] в сочетании вариантов $*D^8*\Gamma^8*Z^5$, $*D^4*\Gamma^4*Z^2$ и $*D^4*\Gamma^4*Z^9$. Провалившийся под землю герой выламывает свое сломанное бедро, научившись этому у мышей, затем избавляет людей от злобного мусса, и они в благодарность показывают ему путь наверх, а затем он спасает птенцов орла, который в награду переносит его на поверхность.

В народной поэзии бурят особую форму утроения данной группы функций мы зафиксировали в одноходовой сказке «Паренёк Булот-Хурэ и его конь Булот-Цохур» [Бурятские народные сказки, 1990. С. 133—138]. Она развивается по схеме:

$$\|: D^2\Gamma^2Z^2 D^1\Gamma^1_{neg} D^2\Gamma^2Z^2 : \|$$

Герой вежливо отвечает встреченным им трём слепым отшельникам, которые в награду указывают ему путь к невесте. Зайдя в замеченную по дороге юрту стариков, богатырь не приветствует её хозяев, выкуривает трубку и покидает юрту. Старик-хозяин юрты догоняет его, просит поздороваться, юноша здоровается, и старик объясняет, как добыть невесту.

В корпусе монгольских сказок мы обнаружили утроение рассматриваемой группы в одноходовом сюжете «Ростом в пядь, с бородой в две пяди» [Амстердамская, 1940. С. 35—36]. В нем встретилось последовательное похищение животных — зайца, волка и лисы. По своему характеру данное утроение рассматриваемой группы функций соответствует кумуляции шестого ряда. Сочетание трех связок $D^2\Gamma^2Z^1$ присутствует в первом ходе «Сказки о дружбе» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 119—125], в котором герой последовательно дарит встреченным ему на пути людям мешки денег. Те, в свою очередь, отдают ему пастушеский посох, баранью кость и потухший уголёк. В точности такую же форму утроения рассматриваемой группы функций мы зафиксировали в первом ходе «Сказки о тигрёнке и телёнке» [Беннингсен, 1912. С. 33—42]. Данное утроение, так же как и рассмотренное выше, построено по

шестому кумулятивному принципу. В повествовании «Сын хагана Гомбо и сын простолюдина Гонгор» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 129—133] отмечено утроение группы функций $D^1\Gamma^1_{VI}Z^8$, которое состоит в том, что герой последовательно подслушивает разговор птиц о местонахождении трёх волшебных предметов и последовательно похищает их у спорщиков. Этот случай утроения, так же как и предыдущие, соответствует по своему характеру кумулятивной сказке шестого ряда.

Утроение группы функций «недостача»—«посредничество»—«отправка» ($aV\uparrow$) может развиваться как кумулятивная сказка первого ряда (I. Ряд отсылки или насылок [Пропп, 1976. С. 249]). Подобный случай мы зафиксировали во втором ходе монгольской сказки «Небесный хаган Дрофа» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 100—107], в котором герой последовательно получает от трёх ханов-лусов задания доставить им монаха для проповеди религиозного учения.

Утроение группы функций действующих лиц «посредничество»—«начинающееся противодействие»—«отправка»—«первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» ($BC\uparrow D\Gamma Z$) присутствует во втором ходе бурятской сказки «Иван-Паднис» [Бурятские народные сказки, 1990. С. 118—127] в сочетании вариантов $V^4C\uparrow D^4\Gamma^4Z^9$, $V^4C\uparrow D^7\Gamma^7Z^9$ и $V^4C\uparrow D^1\Gamma^1Z^1$. В рассматриваемой сюжетной линии герой последовательно получает просьбу о вызволении, соглашается и спасает львёнка и медвежонка, за что получает их и молоко их матерей в своё распоряжение, а также проходит испытание у ламы и получает от него необходимое лекарство. Рассмотренное утроение по своему характеру соответствует кумуляциям шестого ряда.

Особый случай утроения мы зафиксировали во втором ходе монгольской «Сказки о трёх братьях» [Беннингсен, 1912. С. 68—75]. Он развивается по следующей схеме:

$$\|: D^7\Gamma^7_{neg} D^7\Gamma^1 D^7\Gamma^1Z^9 : \|$$

Юноша отказывается помочь табунщику, а затем последовательно пытается помешать медведю и волку убить их детенышей — зловредных существ. В награду за доброту волк предлагает себя герою в качестве помощника.

Другой специальный случай утроения присутствует в первом ходе калмыцкого сюжета «Синяя Шкура» [Басангова, 2002. С. 122—130]. В нём группа функций $BC\uparrow BP$ повторяется по схеме:

$$\|: V^2C\uparrow BP V^2C\uparrow BP V^2C\uparrow : \|$$

Герой просит сосватать за него царскую дочь, старик-отец соглашается и отправляется к правителю, тот убивает старика, но сын оживляет его, затем отсылка, убийство и оживление повторяются снова, и лишь с третьей попытки отправленный мальчиком отец достигает своей цели. По своему характеру данное повторение близко к кумулятивным сказкам

второго ряда (II. «Ряд (осуществленных или избегнутых) пожираний» [Пропп, 1976. С. 250]).

Множественно повторяются могут: функция «снабжение, получение волшебного средства» (Z), одиннадцатый вариант «ликвидации беды или недостачи» (LZ), пары «борьба»—«победа» (Б—П) и «погоня»—«спасение» (Пр—Сп), а также группа «первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» (ДГZ).

Множественное повторение «снабжения» (Z) мы зафиксировали в одноходовой калмыцкой богатырской сказке «Хан Бюрюн Тегес» [Басангова, 2002. С. 46—56], в которой шесть раз повторяется вариант Z⁹. В рассматриваемом произведении герой получает последовательно в качестве помощников человека, передвигающего горы, человека, проглатывающего много воды, человека, умеющего искать воду, человека, воруящего лучше всех, и человека, умеющего чутко слышать. Интересно, что всех их богатырь привязывает либо к своему поясу, либо к седлу. Как и в случае удвоения данной функции, множественное её повторение имеет характер кумулятивных сюжетов шестого ряда.

Пятикратное повторение одиннадцатого варианта функции «ликвидация беды или недостачи» (LZ), предполагающего получение искомого в формах добычи волшебного средства было обнаружено нами в одноходовой монгольской «Сказке о происхождении Большой Медведицы» [Беннингсен, 1912. С. 55—57] в виде разряда LZ⁹. В рассматриваемом повествовании герой последовательно обретает пятерых друзей — человека с чутким слухом, бегуна, обгоняющего антилоп, меткого стрелка, искусного вора, силача, передвигающего горы. Это множественное повторение, как и рассмотренное выше, построено по шестому кумулятивному принципу.

В корпусе калмыцких сказок множественное повторение пары функций «борьба»—«победа» встретилось нам в сюжете «Богатырь Йилдэр» [Басангова, 2002. С. 56—67]. Оно состоит из пяти последовательно повторяющихся пар, две из которых выражены через форму первого варианта (Б¹—П¹) и заключаются в победе героя над быком и верблюжонком. Оставшиеся три пары относятся ко второй разновидности (Б²—П²) и представляют последовательные победы главного персонажа в состязаниях по стрельбе из лука, добыче яблок и борьбе. Эта цепь сходна по характеру с кумулятивными повествованиями второго ряда (II. «Ряд (осуществленных или избегнутых) пожираний» [Пропп, 1976. С. 250]).

В народной поэзии бурят множественное повторение пары «борьба»—«победа» присутствует в первом ходе сказки «Ута-Саган батор» [Бурятские народные сказки, 1990. С. 67—90] в сочетании вариантов Б¹—П¹ и Б²—П². В ней герой обыгрывает мангатхая в скачках, стрельбе из лука и борьбе, затем лишает его волшебных сил, добывает перо птицы Хан-Хэрэгдэ и ловит таёжного льва. Данный случай имеет характер кумуляции второго ряда.

Множественное повторение группы «первая функция дарителя»—«реакция героя»—«снабжение, получение волшебного средства» (ДГZ) в корпусе калмыцких сказок встретилось нам во втором ходе «Синей Шкуры» [Басангова, 2002. С. 122—130]. В ней шесть раз используется сочетание трёх функций в их втором варианте (Д²Г²Z²). Героиня встречает дарителя, который отправляет её к следующему, и лишь шестой сообщает ей, как добиться искомого. В роли советчиков последовательно выступают: человек, пасущий овец, погонщики скота, табунщики, верблюжатник, лама, его манджик и белый старец. Это повторение по своей структуре сходно с кумулятивными сказками первого ряда (I. Ряд отсылок или насылок [Пропп, 1976. С. 249]), определенного В. Я. Проппом.

Множественное повторение пары функций «погоня»—«спасение» (Пр—Сп), построенное по второму кумулятивному принципу (II. Ряд осуществленных или избегнутых пожираний [Пропп, 1976. С. 250]), мы зафиксировали в одноходовом монгольском повествовании «Золотой и серебряный альчики» [Монгол ардын үлгэр, 1982. С. 83—86]. В ней один раз встречается форма первого варианта данной пары функций (Пр¹ Сп¹), два раза — сочетание седьмого и девятого вариантов (Пр⁷ Сп⁹) и пять раз — сочетание первой и второй разновидностей (Пр¹ Сп²). Всего в данной сказке связка «погоня»—«спасение» последовательно повторяется восемь раз.

Приведенные выше примеры позволяют нам утверждать, что кумуляция может являться композиционным приёмом, используемым в построении повествования волшебных сказок и сказок о животных. При этом в большинстве случаев принципы её построения соответствуют характеру чистых кумулятивных сюжетов.

Существование фольклорных текстов, построенных по 31-функциональной 7-персонажной схеме повествования, но при этом имеющих повторения отдельных функций действующих лиц или их групп, организованных по кумулятивному принципу, заставляет нас усомниться в том, что возможно противопоставлять волшебные и кумулятивные сказки только лишь на основе различия структур их повествования. Тем самым мы вынуждены опровергнуть высказанное В. Я. Проппом положение о том, «что в основу рубрикации и классификации сказок должен быть положен принцип определения сказок по их структуре» [Пропп, 1976. С. 242].

Если отбросить ошибочное предположение о возможности классификации сказок исключительно по признаку их структуры, то разработанный отечественным исследователем структурно-семантический принцип классификации русской народной кумулятивной сказки оказывается применимым для монгольского материала. При этом мы утверждаем, что кумуляция в сказках монголов, бурят и калмыков является не устойчивым жанровым признаком, а композиционным приёмом.

Несмотря на отмеченные нами особенности данного композиционного приема, дальнейшие изыскания текстов кумулятивных сюжетов представляются целесообразными и перспективными. Необходимо продолжить работу в российских и зарубежных архивах, а также экспедиционно-полевые записи на территории Монголии и монголоязычных регионов Российской Федерации — Бурятии, Калмыкии, Забайкальского края, следует углубить исследования в области генетической и рецептивной поэтики кумулятивных сказок монгольских народов.

Обнаруженное явление убеждает нас в том, что для построения классификации жанров фольклора монгольских народов необходимо применить комплексный подход, учитывающий все стороны бытования произведений устного народного творчества. Наиболее перспективным нам представляется так называемый «риторический» подход, который учитывает все стороны бытования фольклора, а именно процесс исполнения, поэтику произведения и реакцию на него аудитории [Abrahams, 1968. P. 144].

Список литературы

- Амстердамская, 1940: *Амстердамская Л. А.* Восточно-халхаские народные сказки. М.; Л., 1940.
- Аникин, 2004: *Аникин В. П.* Теория фольклора. Курс лекций. М., 2004.
- Басангова, 2002: *Басангова Т. Г.* Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки. Элиста, 2002.
- Беннингсен, 1912: *Беннингсен А. П.* Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912.
- Бурятские народные сказки, 1976: Бурятские народные сказки (волшебные-фантастические и о животных). Улан-Удэ, 1976.
- Бурятские народные сказки, 1990: Бурятские народные сказки. М., 1990.
- Пропп, 1976: *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
- Пропп, 2005: *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2005.
- Монгол ардын үлгэр, 1982: Монгол ардын үлгэр / *Д. Цэрэнсодном* эмхтгэв. Улаанбаатар, 1982.
- Abrahams, 1968: *Roger D. Abrahams* Introductory Remarks to a Rhetorical Theory of Folklore // *The Journal of American Folklore*. Vol. 81. Apr.—Jun. 1968. P. 143—158.

D. A. Nosov

The structure of the Mongolian folk tales

The article studies the processes of cumulation in the Mongolian fairy-tales. The author comes to the conclusion that the cumulation in the tales of the Mongols, Buryats and Kalmyks is not a sustainable genre sign, but a compositional technique.

Key words: Mongolian, fairy-tales, genre, poetry, cumulation, exposition, function.